

Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина)

Е.И. Галяшина

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены некоторые специальные методы и методические подходы судебной лингвистической экспертизы, которые могут привести к образованию «экспертных фантомов», формированию противоречивых выводов, носящих характер домысла, а не научно обоснованного лингвистического факта. Применение экспертом-лингвистом методов, видоизменяющих (модифицирующих) текст как объект судебной лингвистической экспертизы или создающих искусственно новый – виртуальный объект («сложный отдельный текст») путем объединения разных текстов, может по мнению автора, явиться основанием для оценки заключения эксперта как не относимого к делу и/или недопустимого доказательства.

Ключевые слова: *методы судебной лингвистической экспертизы, модификация текста, объединение текстов, допустимость метода, относимость, достоверность, заключение эксперта, доказательство*

Для цитирования: Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 33–39.

Special Methods of Forensic Linguistic Analysis and “Expert Phantoms” (Reflections upon Reading the Works of R.S. Belkin's on Criminalistics)

Elena I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract. The article discusses some special methods and approaches to forensic linguistic analysis that may lead to the occurrence of “expert phantoms”, or speculative contradictory findings instead of science-based linguistic facts. The use of linguistic methods that modify the original text as a piece of linguistic evidence, or artificially create a new virtual object (“complex separate text”) by combining different texts, can be seen as the basis for evaluating an expert’s opinion as irrelevant or inadmissible evidence.

Keywords: *methods of forensic linguistic analysis, modification of text, combining of texts, method validity, relevance, credibility, expert witness statement, linguistic evidence*

For citation: Galyashina E.I. Special Methods of Forensic Linguistic Analysis and “Expert Phantoms” (Reflections upon Reading the Works of R.S. Belkin's on Criminalistics). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 33–39.

В июле 2017 года исполняется 95 лет со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина – гениального (не побоюсь этого слова) ученого, обладавшего исключительной порядочностью, незаурядным даром научного предвидения, выдающейся интуици-

ей, обостренным чутьем ко всему новому, перспективному и полезному для развития юридической науки и практики раскрытия и расследования преступлений. Научное наследие профессора Р.С. Белкина – неисчерпаемый клад идей, не потерявших

со временем свою актуальность, но приобретших новое звучание в современных реалиях развития криминалистической науки и экспертной практики. К таковым относится и учение о методах криминалистических научных изысканий [1], а также злободневное предостережение о недопустимости причудливых видений, вымысла, бесплодных фантазий, время от времени возникающих в головах некоторых криминалистов. Р.С. Белкин отстаивал научную честность и не боялся выводить на чистую воду неопитов, пытающихся продвигать внешне привлекательные, но в конечном итоге вредные или бессмысленные для науки и практики иллюзорные соображения, даже в ситуации, когда другие это делать не рискуют: «...реальная идея или концепция, дружно поддержанная многочисленными сторонниками, привлекает целую армию последователей, активно разрабатывается, а затем, иногда по прошествии значительного времени, оказывается типичным фантомом. Но у нее уже проросли глубокие корни, и далеко не всякий, даже из тех, кто понял иллюзорность возлагавшихся на эту теорию или концепцию надежд, рискнет попытаться выкорчевать эти корни и доказать мудрость известного выражения: "А король-то голый!"» [2, с. 761].

Высказывания Р.С. Белкина о фантомах в криминалистической науке натолкнули автора на размышления о фантомах в судебной лингвистической экспертизе, бытующих на практике вследствие непонимания экспертами-лингвистами, не обремененными специальными юридическими знаниями, фундаментальных основ судебного исследования доказательств, принципов судебно-экспертной деятельности, базирующейся на законности, объективности, всесторонности и полноте исследования текста как вербального доказательства.

К идеям, порождающим экспертные фантомы, сегодня можно отнести, как нам представляется, рекомендации некоторых филологов использовать при производстве судебной лингвистической экспертизы методы «синонимических преобразований» и «реферирования» [3, с. 121–122], а также указание в последовательности действий эксперта на возможность объединения представленных на лингвистическую экспертизу разных устных и письменных текстов в «сложный отдельный текст, соединяющий в себе ряд текстов» [4, с. 247]. Данные тезисы в экспертной практике по-

родили весьма опасную, на наш взгляд, для установления истины как цели судопроизводства тенденцию. Бездумно применяя указанные приемы для модификации представленных на исследование текстов (обладающих процессуальным статусом вещественных доказательств и/или документов), вплоть до полной элиминации первоначального смысла, и весьма вольно трактуя сказанное или написанное путем их объединения, эксперты-лингвисты создают фантомы: домысливают порожденные в конкретных коммуникативных актах продукты речевой деятельности (речевые следы), формулируют выводы с опорой на экстралингвистические данные (обстоятельства дела, хотя и изложенные в постановлении о назначении экспертизы, но тем не менее подлежащие доказыванию по делу). Тем самым игнорируются или не учитываются реальные речевые факты, представленные в тексте как конкретном объекте судебно-экспертного лингвистического исследования. Помещая же спорное высказывание или фразу в новый контекст модифицированного или искусственно созданного самим экспертом сложного отдельного текста, соединяя исходные тексты в определенной последовательности, эксперт, по сути, осуществляет «виртуальный монтаж». Опираясь на экстралингвистические факторы и контекст вновь созданного текста, эксперт-лингвист в своем воображении создает дополнительно приращенный смысл, исходя из трактовки ситуации одной стороной конфликта или спора, вызывая неприятие и возражения другой стороны, порождая тем самым повод и основание для обвинений в необъективности и ангажированности судебной лингвистической экспертизы как процессуального средства доказывания.

Не случайно в последние годы общественное внимание привлекли результаты лингвистических экспертиз, проведенных по громким, резонансным уголовным делам, особенно связанным с расследованием организованной преступной деятельности, коррупционным проявлениям, а также проявлениям терроризма и экстремизма [5].

В.А. Салимовский и Е.Н. Мехонина замечают, что «весьма широкому распространению «ангажированной» лингвистической экспертизы способствует укоренившееся в сознании общественности (включая юристов) ложное представление о том, будто эта экспертиза по самой своей природе яв-

ляется субъективной: «сколько экспертов, столько и мнений» [6]. Суды различных инстанций по разным категориям гражданских, уголовных, административных дел все чаще назначают повторные, комиссионные, комплексные судебные лингвистические экспертизы, критически оценивают составленные по инициативе одной стороны несудебные лингвистические заключения [7].

Е.А. Колтунова указывает, что «зачастую возникновение выводов экспертных заключений, которые можно охарактеризовать как домыслы, не обусловлено проблемами в методической или научной подготовке экспертов. Бывает, что глубокознающие специалисты-лингвисты слабо ориентируются в юридических аспектах, связанных с выполнением экспертных заключений и внесудебных исследований. ...Отсутствие юридической методологической основы и недостаточно точное использование лингвистических методов приводит эксперта к совершенно противоречивым выводам» [8].

А.Н. Баранов признает, что «реальная практика лингвистической экспертизы показывает чрезвычайно богатую палитру методов и отчасти связанных с ними методик, которые используют в своих исследованиях лингвисты-эксперты. Иными словами, часто (может быть даже по большей части) отсылка к ММ [методам и методикам] носит чисто декларативный характер: требуется – укажем. Гуманитарное знание (за очень небольшими исключениями) не озабочивается доказательностью и объективностью» [3, с. 119].

Г.В. Кусов полагает, что основной причиной такого положения вещей «можно считать то, что формирование новой судебной экспертизы в основном начиналось с привлечения специалистов из науки, которые не видят различий между судебными и прочими экспертизами. В начальный период, когда экспертные задачи (в основном простые и прямые) решаются исключительно с использованием знаний из основополагающих наук, часто возникает иллюзия, что никакие процессуальные знания и судебно-экспертные методики не нужны». В то же время именно применяемый метод, экспертный подход «определяет как характер и средства исследования, так и сам объект» [9, с. 217].

Нельзя не согласиться с доводами Г.В. Кусова о том, что «общая теория методов познания – важнейшая часть лингвистической методологии – включает инфор-

мацию о способах познания явлений языка, о границах их применения и зависимости от специфических признаков (природы) исследуемого явления, об общих (универсальных) и частных способах познания и некоторые другие сведения» [9, с. 218].

Действительно, отсутствие единых и общепринятых критериев определения пределов компетенции эксперта-лингвиста провоцирует «вторжение» лингвистов в сферу смежных областей наук (психологии, философии, социологии и т. п.), а также в область права (при ответах на вопросы, относящихся к компетенции субъекта доказывания, а не эксперта-лингвиста). А привлечение к производству лингвистической экспертизы субъектов, имеющих филологическое образование, но не владеющих экспертными компетенциями (навыками, умениями, опытом решения экспертных задач в интересах судопроизводства) приводит к поверхностной или односторонней интерпретации лингвистических фактов.

Заметим, что практическая деятельность любого судебного эксперта, в том числе и эксперта-лингвиста, существенно отличается от научных изысканий тем, что результаты экспертизы должны опираться на бесспорные, достоверные практические знания об изучаемом объекте, на теоретически доказанные в ходе проведения научных изысканий, не вызывающие споры и дискуссии, общепринятые научные и практические данные, а также бесспорно установленные лингвистической наукой закономерности. Для целей судопроизводства достоверными признаются только такие результаты, которые могут быть проверены на непротиворечивость предлагаемой интерпретации фактических данных и ее согласованность с объективными знаниями. Для этого применяемая при производстве судебной лингвистической экспертизы технология или метод должны опираться на развитую, эмпирически подтверждаемую теорию и содержать свод процедурных правил, которые имеют обоснованный, планомерный и организованный характер, исключающий ошибки субъективного происхождения.

Р.С. Белкин справедливо отмечал, что критериями оценки существующих и вновь разрабатываемых методов являются эффективность, простота и надежность, безопасность, экономичность, научность и допустимость метода. «Различие в методах научного исследования и практической де-

тельности по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел становится более разительным, когда речь идет о применении не частных, а специальных методов познания. Ряд специальных методов криминалистики бывает невозможно применить при собирании, исследовании и оценке доказательств из-за их содержания либо в связи с требованиями социалистической законности, допускающими использование при доказывании только предусмотренных законом средств собирания и исследования доказательств» [1, с. 385].

С.И. Красса подчеркивает, что «в судебной экспертизе необходимо применение надежных, апробированных методов и приемов, способных привести к достоверным выводам, к которым придут и другие исследователи при соблюдении установленных процедур. Данное требование, естественно, относится и к лингвистической экспертизе. В то же время практика постановки вопросов, многообразие и нестандартность речевого материала требуют от эксперта (специалиста) модернизировать существующие в экспертизе методы, адаптировать их к требованиям конкретного исследования, внедрять новые направления или же закреплять научную методику за определенным видом экспертизы» [10].

Во многом причиной нынешнего состояния судебной лингвистической экспертизы является тот факт, что она возникла и развивалась от практики к теории. Напомню, что судебная лингвистическая экспертиза как самостоятельный род судебных экспертиз с начала 2000-х активно внедрялась в практику уголовного, гражданского и административного судопроизводства России; с 2005 года включена в нормативно закреплённые перечни родов (видов) судебных экспертиз, проводимых на постоянной основе в государственных и негосударственных судебно-экспертных организациях Российской Федерации [11].

Название *судебная лингвистическая экспертиза*, предложенное в 2002 г. [12], прочно закрепилось в теории и практике судебного речеведения и судебно-экспертной деятельности, а методология оформилась в виде частной теории [13]. Однако многообразие разработанных в лингвистике методов и подходов к исследованию продуктов речевой деятельности, возможность и допустимость их использования в экспертной практике судопроизводства продолжают волновать умы лингвистов-тео-

ретиков и экспертов-практиков. Во многом это объясняется различными подходами к лингвистическим технологиям привлекаемых для производства судебных экспертиз профессиональных экспертов – работников судебно-экспертных учреждений, осуществляющих лингвистические экспертизы в порядке выполнения своих должностных обязанностей, и филологов-неофитов, зачастую не отличающих научные изыскания от практической деятельности в рамках судебно-экспертного исследования устного и письменного текста [14].

Судебная лингвистическая экспертиза предполагает применение экспертных технологий, независимых от вкусовых предпочтений того или иного лингвиста, методов объективного исследования конкретных продуктов речевой деятельности, зафиксированных на материальном носителе, имеющих процессуальный статус вещественного доказательства и/или документа и выступающих в качестве непосредственных объектов судебной экспертизы. Однако филологи, не имеющие юридической подготовки по специальности «Судебная экспертиза» (специализация «Речеведческие экспертизы»), либо не знакомы с принципами судебно-экспертной деятельности, либо не обладают соответствующими компетенциями: специальными знаниями в области судебной экспертологии, навыками судебно-экспертного исследования, умением применять экспертные технологии для исследования устных и письменных текстов. Умозрительные теоретические построения и гипотезы, допустимые для научного поиска, на поле практической судебно-экспертной деятельности превращаются в «экспертные фантомы», создавая почву для фантазий и домысла. Непонимание различий между «лингвистической экспертизой» как научного изыскания, допустимого в прикладной и экспериментальной лингвистике, и «судебной лингвистической экспертизой» как практической процессуально-регламентированной деятельностью по применению научно обоснованных методов лингвистики в целях установления фактов, имеющих значение доказательств, порождает методологические ошибки, влекущие ошибочность результатов и необоснованность выводов.

Ярким примером тому могут служить рассуждения А.Н. Баранова о методах лингвистической экспертизы, который полагает, что в основе «лингвистической экспертизы» лежит научное исследование», «жанр линг-

вистической экспертизы требует адаптации проведенного научного исследования таким образом, чтобы аргументация лингвиста-эксперта была понятна окружающим». А.Н. Баранов скептически относится к большинству методов, используемых в практике судебных лингвистических экспертиз, упоминание которых, по его мнению, носит по большей части декларативный характер, предлагает не стесняться «тривиальных» методов, указывая, что «методики лингвистической экспертизы малочисленны и малодоступны, а часто откровенно безграмотны» [3, с. 122]. Ссылка на методы анализа или синтеза, по мнению А.Н. Баранова, ничего не дает в смысле возможности воспроизведения результата исследования и не способствует его объективности. Также отрицательно относится он и к использованию в лингвистической экспертизе методов «контент-анализа», «компонентного анализа», «концептуального анализа», «концептуально-аналитического метода», «метода семантической реконструкции», «коммуникативного анализа», «прагматического анализа» и некоторых других.

Тем не менее нельзя не признать, что А.Н. Баранов вполне справедливо отмечает, что основным критерием применимости того или иного метода в лингвистической экспертизе является возможность воспроизведения метода по достаточно простым правилам любым специалистом-исследователем, но выдвигает ошибочную, на наш взгляд, идею использовать в качестве универсального метод синонимических преобразований, к типичным видам которых он относит реферирование, концептуальный аппарат теории речевых актов и др. Мы полагаем, что А.Н. Баранов исходит из неверной предпосылки, что деятельность лингвиста-эксперта ничем не отличается от деятельности лингвиста-исследователя в том смысле, что «синонимические преобразования предполагают перевод объекта исследования в знаки той же системы, т. е. в описание исследуемого на том же языке» [3, с. 122]. По А.Н. Баранову, синонимическое преобразование (перефразирование) – это метод *модификации* исходного текста (в широком смысле), в котором одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации [3, с. 121]. Применив метод синонимического преобразования (перефразирования, реферирования, по А.Н. Баранову),

эксперт-лингвист фактически изменяет (модифицирует) исходный объект (текст), являющийся вещественным доказательством и/или документом, что в исследованиях, осуществляемых в интересах судопроизводства, не допускается.

Обеспечение сохранности и неизменности объектов исследования в интересах судопроизводства продиктовано их доказательственным статусом. Тогда как проведение исследования объекта, модифицированного самим экспертом, нарушает фундаментальный принцип непосредственности исследования доказательств, действующий в судебном разбирательстве.

Замечу, что российский законодатель в статьях 9 и 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» вменяет в обязанность судебному эксперту обеспечить сохранность представленных объектов исследований и запрещает уничтожать объекты исследования, изменять их свойства в результате применения метода при проведении исследования без соответствующего на то разрешения суда. Аналогичная норма содержится в п. 3. ч. 4 ст. 57 УПК РФ, согласно которой эксперт не вправе проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь изменение свойств объектов, а также в ч. 5 ст. 49 КАС РФ.

Учитывая, что практическая судебно-экспертная и научная деятельность принципиально отличаются по предмету, объектам и методам исследования, следует признать недопустимым использование в судебной лингвистической экспертизе метода синонимических преобразований (включая метод реферирования) как метода *модификации* исходного текста, при которой «элементы семантики могут редуцироваться вплоть до полной элиминации» (по А.Н. Баранову).

Аналогично следует считать недопустимым в судебной лингвистической экспертизе объединение текстов разговоров или речевых продуктов в «сложный отдельный текст», который выступает объектом экспертного исследования вместо индивидуально-конкретного текста – вещественного доказательства и/или документа, т. к. такое искусственное соединение объектов экспертизы противоречит принципу непосредственности судебного исследования доказательств. При этом эксперт-лингвист, соединяющий представленные ему конкретные

тексты в новый объект, выходит за пределы своей процессуальной компетенции, поскольку эксперт не вправе (в силу прямого запрета в ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») самостоятельно собирать материалы для производства экспертизы, а тем более не вправе их искусственно создавать путем соединения исходных текстов (вербальных доказательств) в определенном порядке, т. е. «виртуального монтажа».

Фактически объединение в «сложный отдельный текст» разных текстов, продуцированных в разных коммуникативных ситуациях, приводит к искусственному формированию виртуального контекста с приращением смыслов, являющихся плодом творческой деятельности самого эксперта (опирающегося на представленные ему субъектом доказывания или одной из сторон спора экстралингвистические сведения о хронологии, участниках коммуникации, авторах текста и т. д.), а не продуктом речемыслительной деятельности лица, создавшего исходный текст как источника доказательственной информации. Соответственно интерпретация вербального доказательства, искусственно помещенного в виртуальный контекст «сложного отдельного текста», неизбежно будет порождать фантом-домысел, не будет служить цели установления истины в судебном споре.

В завершение хочется еще раз обратиться к наследию Р.С. Белкина и привести его высказывание, раскрывающее доказательственную и гносеологическую сущность познавательной деятельности эксперта. «Экспертное исследование представляет собой средство познания содержания доказательства в тех случаях, когда свойства явления, отношения и связи, существующие как внутри доказательства, так и между данным доказательством и другими фактическими данными, не могут быть установлены простым рассмотрением доказательства, ознакомлением с ним» [15, с. 225]. «Доказательство всегда представляет собой единство фактического содержания и процессуальной формы, в которой выражены сведения о фактах. Это определяет такие качества доказательства, как относимость и допустимость доказательств» [16, с. 61].

Применение экспертом-лингвистом методов, видоизменяющих (модифицирующих) текст как объект судебной лингвистической экспертизы или создающих искусственно новый виртуальный объект – сложный отдельный текст путем соединения исходных разных текстов, следует признать недопустимым, т. к. это может явиться основанием для оценки заключения эксперта как несоотносимого и/или недопустимого доказательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Учение о методах криминалистических научных исследований. Глава из книги [Белкин Р.С. *Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики*. М., 1970. С. 84–98.] // Белкин Р.С. *Избранные труды*. М.: Норма, 2008. С. 369–387.
2. Белкин Р.С. Фантомы криминалистики. Глава из книги [Белкин Р.С. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня*. М., 2001. С. 219–224.] // Белкин Р.С. *Избранные труды*. М.: Норма, 2008. С. 761–765.
3. Баранов А.Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // Сборник статей IV Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (Пенза, 11–13 октября 2016). Пенза: ПГУ, 2016. С. 119–122.
4. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. / Под ред. Ю.М. Дильдина и В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России: ИнтерКрим-пресс, 2010. 568 с.
5. Челищева В. Экспертная уценка. Как судебная экспертиза в России превратилась в фарс // Новая газета. № 63 от 15.06.2016. URL: <http://archive.is/ceKtN> (дата обращения: 05.05.2017).

REFERENCES

1. Belkin R.S. The doctrine about methods of forensic research. Chapter from the book [Belkin R.S. *Lenin's theory of reflection and methodological problems of the Soviet criminalistics*. Moscow, 1970. P. 84–98]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 369–387. (In Russ.).
2. Belkin R. S. The phantoms of criminalistics Chapter from the book [Belkin R.S. *Criminalistics: problems of today*. Moscow, 2001. P. 219–224]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 761–765. (In Russ.).
3. Baranov A.N. Methods and techniques used in linguistic text expertise. *Proceedings of IV International scientific and practical conference "Language. Right. Society"* (Penza, October 11–13, 2016). Penza: Penza State University, 2016. P. 119–122. (In Russ.).
4. Dildin Yu.M. & Martynov V.V. (eds). *Typical expert techniques for the study of physical evidence*. Moscow: InterKrim-press, 2010. 568 p. (In Russ.).
5. Chelishcheva V. Expert markdown. As forensic examination in Russia has turned into the farce. *New newspaper*. No 63 from 6.15.2016. URL: <http://archive.is/ceKtN>. (In Russ.).

6. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 48–51.
7. Чернов А.Д. Проблемы назначения и производства судебных экспертиз по гражданским, уголовным и административным делам // Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия. Пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников / Под редакцией А.К. Симонова. М.: ФЗГ, 2013. С. 8–13.
8. Колтунова Е.А. Феномен домысла в судебных лингвистических экспертизах // Материалы Международной научно-практической конференции «Инновации в государстве и праве России» (Н. Новгород, 24–25 апреля 2014 г.). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 160–164.
9. Кусов Г.В. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
10. Красса С.И. Методы судебной лингвистической экспертизы: практическая типология // Научные труды SWORLD. 2012. Т. 40. № 4. С. 88–91.
11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Судебная экспертиза. Сборник нормативных правовых актов. М.: Проспект, 2016. 336 с.
12. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Сборник материалов Межрегионального научно-практического семинара «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» (Москва, 7–8 декабря 2002 г.). Часть 2. М.: Галерея, 2003. С. 48–63.
13. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003. 236 с.
14. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы // Юстиция. 2005. № 3. С. 16–23.
15. Белкин Р.С. Исследование доказательств Глава из книги [Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 44–64.] // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 220–233.
16. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Бек. 1997. 342 с.
6. Salimovsky V.A., Mekhonina E.N. Typical mistakes (tricks) in improper forensic linguistic expertise. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010. N 2. P. 48–51. (In Russ.).
7. Chernov A.D. Problems of appointment and production of forensic examinations in civil, criminal and administrative cases In: A.K. Simonov (ed) *Examination – unresolved question of the Russian justice system. Handbook for judges and young lawyers, journalists and human rights defenders*. Moscow: FZG, 2013. P. 8–13. (In Russ.).
8. Koltunova E.A. The Phenomenon of speculation in the forensic linguistic expertise. *Proceedings of the International scientific and practical conference “Innovations in the State and the Right of Russia”* (N. Novgorod, April 24–25, 2014). N. Novgorod: Lobachevsky UNN, 2014. P. 160–164. (In Russ.).
9. Kusov G.V. General and particular problems of methodology of judicial linguistic expertise. *Theory and Practice of Social Development*. 2011. No 5. P. 217–224. (In Russ.).
10. Krassa S.I. Methods of forensic linguistic examination: a practical typology *Sworld*. 2012. V. 40. No 4. P. 88–91. (In Russ.).
11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *Forensic examination. Collection of normative legal acts*. Moscow: Prospect, 2016. 336 p. (In Russ.).
12. Galyashina E.I. Conceptual framework of the forensic linguistic examination. *Proceedings of the Interregional scientific-practical seminar. “Theory and practice of linguistic analysis of media texts in legal expertise and information disputes”* (Moscow, 7–8 December, 2002) Part 2. Moscow: Galeriya, 2003. P. 48–63. (In Russ.).
13. Galyashina E.I. *Fundamentals of the forensic specheology*. Moscow: Stensi, 2003. 236 p. (In Russ.).
14. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Formation and development of forensic linguistic expertise. *Justice*. 2005. No 3. P. 16–23. (In Russ.).
15. Belkin R.S. Evidence Research. Chapter from the book [Belkin R.S. Collecting, research and assessment of proofs. Entity and methods. Moscow, 1966. P. 44–64]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 220–233. (In Russ.).
16. Belkin R.S. *Criminalistic encyclopedia*. Moscow: Bek. 1997. 342 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяшина Елена Игоревна – профессор, д. ю. н., д. филол. н, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина; e-mail: egalyashina@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR

Galyashina Elena Igorevna – Professor, Doctor of Law, Doctor of Philology, Deputy Head of the Forensic Sciences Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); e-mail: egalyashina@gmail.com.